Стенограмма Круглого стола: «Политическая элита КР и ее роль в разрешении конфликтов»

Стенограмма Круглого стола: «Политическая элита КР и ее роль в разрешении конфликтов»

27.09.2013

6 сентября в Институте общественной политики состоялся Круглый стол на тему: «Политическая элита КР и ее роль в разрешении конфликтов»

Модератор: Анна Капушенко, Институт общественной политики

Спикеры:

Шерадил Бактыгулов, эксперт по госуправлению
Сергей Масаулов, президент Центра перспективных исследований

Участники:

Нуриза Абдыкадырова, студентка МУК
Жыпар Акылбек кызы, студентка МУК
Бегайым Алымкулова, сотрудница ОсОО «Марко Эгида»
Карагач Арыкова, студентка МУК
Талантбек Бабаназаров, студент МУК
Чинара Бекбоева, «Партия Зеленых Кыргызстана»
Каниет Бектенова, студентка МУК
Базаргул Досматова, студентка МУК
Жолдубай Жалил уулу, студент МУК
Урмат Каныбеков, студент КГЮА

Светлана Клюева, студентка МУК
Валерия Логинова, студентка МУК
Исламбек Мурсабеков, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств-участников СНГ при Межпарламентской ассамблее СНГ
Лиана Нагибина, студентка МУК
Эдил Осмонбетов, независимый эксперт
Динара Султанмуратова, студентка МУК
Эмиль Суюналиев, ассистент по политическим вопросам Центр ОБСЕ в Бишкеке
Мээрим Таалайбекова, студентка МУК
Александр Толмачев, «Партия Зеленых Кыргызстана»
Улан Рыскельдиев, эксперт
Таалай Шаабай уулу, студент МУК

СМИ:

Аскар Акталов, ИА «КирТАГ»
Гульнара Мамбеталиева, радио «Мир»
Толкун Наматбаева, ИА «Франс-пресс»
Евгения Николаева, Информационно-аналитический портал «Polit.kg»
Евгений Печурин, 5 канал
Дарья Подольская, ИА «24.kg»
Алтын Талантбеков, ЭлТР
Анна Яловкина, «Vb.kg»

Анна Капушенко обозначила тему Круглого стола и представила спикеров.

Шерадил Бактыгулов: Тема моего выступления – «Политические

элиты и конфликты».

Существует несколько теорий об элитах и конфликтах. Здесь речь пойдет об элите как о «доминирующей» или занимающей ключевые позиции группе лиц, в силу разных обстоятельств оказавшихся у источника распределения властных, распорядительных, экономических, финансовых и иных ресурсов.

Говоря о конфликтах, речь будем вести о насильственном конфликте, затрагивающем гражданское население, и несущем в себе экологические, социальные и экономические издержки. Конфликт может быть связан со спорами о территории, независимости, автономии, идеологии, власти или ресурсах.[i]

Обзор статей и заметок о резонансных конфликтах лета 2013 года, таких как назначение «народного» губернатора Джалал-Абадской области и перекрытие дороги в с.Барпы, блокирование работы рудника «Кумтор» в Джети-Огузском районе, указывает на: i) медиацию, ii) переговоры и iii) поиск причин и виновных.

Напомню, что медиаторы оказались в тылу обеих сторон. Переговоры велись по воле лидеров конфликтующих сторон (что стало одной из причин ухода в отставку Ш.Атаханова, «силового» вице-премьер-министра).

Это вызывает эффект «дежа вю». Подобные ситуации складывалась неоднократно, особенно после событий в Аксы 2002 года, марта 2005 года в Бишкеке, апреля 2010 года в Таласе, Нарыне, Бишкеке и июня 2010 года в Ошской и Джалал-Абадской областях.

После каждой такой ситуации предпринимались те же действия и объяснения, которые мы видим и слышим осенью 2013 года.

Это означает, что имеющийся инструментарий по предупреждению конфликтов недостаточен, а значит, кыргызстанское общество ожидают конфликты разной природы и продолжительности.

Конфликты будут происходить по двум причинам.

Первая причина – медиация, переговоры и поиск виновных не решают конфликтную ситуацию.

Суть медиации – посредничество между двумя конфликтующими сторонами. Однако медиаторы зачастую не обладают авторитетом среди конфликтующих сторон и поэтому оказываются бесполезными.

Методы переговоров соответствуют современной западной практике, которая предполагает следование законам. Толкование и применение законов в Кыргызстане зависит от интересов элитных групп, следовательно, имеющиеся методы переговоров есть форма, но не метод или инструмент предупреждения или разрешения конфликта.

Поиск причин конфликта ограничивается кругом социальных и экономических проблем.

Однако это устаревший, а значит – неверный подход. В

конфликтах, как правило, участвуют люди более зажиточные по сравнению с соседями.

Вторая причина – политические элиты инициируют, управляют и разрешают конфликты. Конфликт есть инструмент достижения целей элиты.

Элиту Кыргызстана можно разделить по масштабам воздействия (страна, область, район, населенный пункт), по возрастному и половому признакам (молодежь, женщины, пожилые), по профессиональной принадлежности (бизнесмены, учителя, врачи, гражданские активисты, лидеры ОПГ и т.д.), по сферам интереса (спорт, госслужба, бизнес и прочее).

Характер деятельности элит

В Кыргызстане существует одна модель поведения элит – «модель воина». Не являясь моделью военного начальника, модель «воина» использует некоторые принципы военного лидерства.

Деятельность «воина-лидера» основана на следующих принципах:

а) противодействовать и победить своих оппонентов;
б) контролировать информацию;
в) цель оправдывает средства;
г) знать «своих» людей;
д) подбирать место и время схватки;
е) использовать посредников (из числа пожилых мужчин, женщин и молодежи) в качестве буфера.

Управление конфликтом

Специалисты отмечают, что рядовые участники конфликта (или неэлиты) не в состоянии самостоятельно разработать и следовать принципам урегулирования конфликта.

Имеется пять объяснений этому:

- рядовых участников конфликта много;
- участники разрознены, так как находятся в «плену» разных идеологических установок или собственных ожиданий;
- участники фрагментированы, могут действовать в составе малых групп (до 5 чел.), при сборе большой группы (более 20 чел.) рядовые участники поддаются влиянию активных участников конфликта;
- большинство участников нерешительно, акции и действия совершаются по команде лидера;
- участники не знают, как вести себя во время разных ситуаций , и поэтому копируют действия других.

Выделяется четыре основных мотива элит:

1. внешняя угроза или опасность, которая грозит внутренним конфликтом в группе и тем самым будет способствовать развалу группы;
2. возможное воздействие интенсивности конфликта или его последствий на снижение благосостояния лидеров группы, отдельного сегмента группы или всей группы;
3. получение или удержание власти или влияния;

4. уклонение от осложнений для себя и своей группы.

Основные проблемы

В Кыргызстане выделяются девять общих проблем, с которыми сталкиваются элиты.

Первая проблема связана с использованием власти или злоупотреблением ею. Разные группы населения внимательно отслеживают использование власти.

Если у людей возникает понимание того, что власть используется в общих целях, то урегулирование конфликта может стать успешным, но если люди ощущают, что власть используется в интересах одной или двух групп, то конфликт может затянуться.

Вторая проблема – руководство «своей» партией. Навыки лидера больше приходится проявлять внутри своей партии, чем в отношениях с другими партиями.

Третья проблема – работа лидера группы с жителями «своего» района или населенного пункта. Количество членов группы может быть меньше или больше количества жителей района. При этом авторитет лидера группы среди ее членов не означает, что другие жители поддерживают цели и ценности лидера или его группы.

Четвертая проблема – отношения с другими лидерами своей партии или группы. Если не будет согласия между ними, то процесс

разрешения конфликта может остановиться из-за разногласий с одной стороны.

Пятая проблема – работа с государственными и муниципальными служащими. Любое решение, принятое сторонами конфликта, придется исполнять государственным и муниципальным служащим. Поэтому важным представляется вовлечение в разрешение конфликтов государственных и муниципальных служащих из высшего эшелона органов управления.

Шестая проблема связана с досрочными или приближающимися выборами президента, депутатов парламента и местных кенешей, глав айыл окмоту, а также формированием нового правительства. Возможная смена людей нагнетает напряженность внутри элит.

Седьмая проблема – реорганизация партии или группы может стать источником конфликта внутри партии или группы.

Основой большинства партийных курсов являются идеалы, которые зиждутся на конфликте, а не на созидании. Пересмотр идеалов может привести к конфликтам между единомышленниками с последующим расколом и возможным формированием радикальных групп.

Восьмая проблема – работа с изменениями. Изменения политических курсов могут привести к скрытости или сдержанности лидеров. Такое поведение может быть истолковано как слабость лидера. Другая опасность связана с тем, что лидер может отклонить изменения, предложенные и начатые другими.

Девятая проблема связана с процессом управления конфликтом. Договоренности между сторонами забываются во время кризисов и новых конфликтов.

Сложной задачей является преодоление взаимодействия элит по линии «сильный – слабый». В обществе сложилось мнение о том, что «слабый/проигравший» должен подчиниться «сильному/победителю», но при этом от «проигравшего» ожидают «партизанскую, или диверсионную войну». Преодоление этого стереотипа могло бы стать существенным вкладом в снижение конфликтов.

Сергей Масаулов: Я подготовил выступление на тему: «Элита и управление в конфликтах».

Я немного работал с группой, которая обучала медиаторов, и могу сказать следующее. Это обычная традиционная работа, набрали хороших и активных людей, которые что-то делают или, по крайней мере, пытаются что-то делать. Но осуществление работы по разрешению настоящего конфликта не заключается в том, чтобы применить какие-то знания. В таких условиях необходимо, чтобы заработала комплексная модель, но у нас обычно все ограничивается применением каких-либо знаний.

ОБСЕ формировала на каждый район по 22 медиатора, которые должны предупреждать конфликты. Я предложил ОБСЕ спроектировать работу этих групп, а то люди обучены чему-то, но не знают, что делать. Они были против этого. Но я с напарником на свой страх и риск взяли две группы и попытались спроектировать их работу.

Здесь необходимо отметить, что там, где постоянно возникают конфликты, – на юге республики проектирование идет, а вот в Чуйской области проектирования не происходит. Это парадокс, потому что Чуйская область с точки зрения возникновения конфликтов гораздо опаснее. Количество конфликтов, происходящих в Чуйской области, намного больше, чем на юге. Просто на юге конфликты достаточно громкие и резонансные. Имеется схема конфликтов по стране за последние пять лет, и она показывает, что необходимо более внимательно относиться к Чуйской области. По поводу подготовки медиаторов сразу возникает вопрос: что с ними делать, то ли обучать чему-то, то ли проектировать их работу?

Что делать системе управления, когда разворачивается какой-то конфликт? Можно ли управлять конфликтом, какими-то общественными процессами в развернувшемся конфликте, как утилизировать результаты конфликта, каким образом выйти из него? Это принципиальные вопросы, на которые нет общего теоретического ответа, есть какие-то наброски. Для каждой страны необходимо находить собственный рецепт.

Если брать во внимание общетеоретическую основу, то каждый конфликт имеет десять этапов, и тем, кто собирается заниматься разрешением конфликтов, принципиально важно понимать, на какой стадии находится конфликт, так как на каждом из этих этапов применяются различные средства для выхода из конфликтной ситуации. Есть один этап, на котором могут работать только специально подготовленные люди. И это показали все конфликты на пространстве СНГ, начиная с производственных забастовок и заканчивая межнациональными столкновениями.

С одной стороны, необходимо готовить конфликтологов, с другой стороны, нужно выстраивать систему государственных органов, не

систему реагирования на разворачивающиеся угрозы и появляющиеся тревожные явления, а выстраивать постоянную систему управления, то есть упреждать. Это означает, что необходима некая общая схема работы государственных органов по предупреждению горячих стадий конфликта. Почему у нас это, не получается? Этот вопрос необходимо адресовать к элите.

Невозможно ничего проектировать, если не знаешь, в чем проблема. Можно работать с причинами, но пока неизвестно, в чем проблема, проектировать нельзя, ибо проблема всегда прячется за поверхностными явлениями. Для того чтобы найти проблему, надо подумать. Необходимо, чтобы люди во власти были наделены не просто полномочиями, но и умением думать. По опыту знаю, что в Белом доме подумать очень трудно, потому что там отмечается большая текучка кадров, и при этом каждый день необходимо что-то делать и принимать те или иные решения.

Но есть надежда на экспертное сообщество. Эксперты должны привнести что-то умное в работу парламента. Так оно и происходит. Эксперты что-то привносят, экспертов делят на «своих» и «чужих». Зачастую происходит так, что идеи экспертного сообщества реализуют не должным образом, и в результате потом приходится «расхлебывать» последствия. Необходима другая схема использования экспертных идей.

К примеру, мы неправильно понимаем демократию, хотя на протяжении 22 лет пытаемся ее построить. Демократия – это не власть народа, это власть, в которой участвует народ. Это очень важный момент, потому что выражение «Демократия – это власть народа» ни о чем не говорит. Возникает конкретный вопрос: за счет каких процедур, за счет каких действий народ участвует во власти, за счет чего обеспечивается прямое участие?

Обратите внимание, во всех странах СНГ возникают проблемы с легитимностью власти. Возникают какие-то представители народа, которые каждый раз пытаются подорвать авторитет власти. Более того, могут появиться люди, например, джигиты, молодые ребята, которые говорят: «Мы народ. Мы выступаем от имени народа». В этой ситуации возникает следующий вопрос: Что власть будет делать с этими пятью или семью сотнями человек, которые теперь являются новым народом? Да, безусловно, эти люди обращают внимание на конкретные проблемы, выражают мнение, отличное от мнения представителей власти. Что с этим делать? Поэтому мы и говорим о том, что во многих странах у власти возникают проблемы с легитимностью.

Вопрос о том, что такое элита, вытекает из вопроса: как выстроить отношения между властными инстанциями и самим народом?

Проблема состоит в следующем. Пока неясно, как в нашей стране будет осуществляться формирование базовых идей, мобилизующих народ. Мобилизовать народ на свержение прогнившего режима – это мы уже умеем, кстати, лучше, чем в других странах, можем поучить. А вот как мобилизовать народ на вырабатывание перспективы, пока непонятно. Через какие институты необходимо выстраивать отношения между властью и народом? По идее, здесь все просто, есть партии, какие-то лидеры, гражданские организации, но непонятно, почему нет результата, нет некоего объединения, общества, которое бы осуществляло свою деятельность в соответствии с выбранным курсом.

Анализируя монархические сообщества, можно сказать, что за такие элитные функции отвечали сам монарх и его двор. В таких странах, как Россия, за это отвечала еще и гвардия. В гвардию специально подбирали людей, которые умеют не только драться

лучше других, эта была школа, в которой формировалась элита. После гвардии любой человек мог идти на гражданскую службу. Где у нас институция, в которой формируется элита такого типа?

При республиканском строе элита – это, прежде всего, аристократия. У нас в 90-е годы была попытка сформировать элиту из манапов. Но не вышло.

В демократическом обществе должен быть свой субъект, который сформируется в народе, некая институция, но это пока нерешенный вопрос.

Я понимаю, что политической элитой можно назвать тех, кто сейчас у власти, тех, кто формирует какие-то идеи и требует их осуществления. Но элита – это те люди, которые формулируют базовые ценности и цели народа, нации. Подчеркиваю, базовые ценности и цели. Те, кто артикулирует национальные цели страны – это элита. Но люди во власти не отвечают данному критерию.

Часто элитой называют успешных людей, нуворишей, у которых есть деньги. В сельской местности у нас молодой человек может «снести» аксакала, потому что у него есть деньги. Вопрос в том, насколько они чувствительны к народу.

Также у нас представлены вместо элиты люди, играющие роль олигархов. Это очевидно, потому что их слово имеет определенный вес. Что произошло у нас со списком преференций, которые требуются Кыргызстану для вступления в Таможенный союз? Могу сказать прямо, что предъявление гигантского списка преференций – это сумма всех пожеланий, прежде всего,

олигархов. Государство не хотело составлять никакого списка.

Элитой считаются чиновники, и это понятно, потому что они занимают определенное место в системе управления и, вроде как, от них зависит многое.

Ну и, наконец, бомонд в виде деятелей гражданского общества тоже, вроде как, относит себя к элите. Героев джигитовки, молодых нигилистов теперь тоже обязательно относят к элите. То, как они вели себя в конце мая – начале июня в Джети-Огузе, например, разговаривая с депутатами парламента, находясь на лошади и кидая бутылку с горючей смесью, показывает, что это как раз герои нигилистической тусовки.

Здесь сразу возникает очень важный для меня вопрос насчет ОПГ. Я вообще считаю, что ОПГ у нас не очень много, потому что это требует организации, а таких вот джигитовок достаточно много.

К псевдоэлите я отношу правящий класс страны, так как эти люди не артикулируют национальные цели страны. К сожалению, получилось так, что в нашей стране средний класс ушел в псевдоэлиту, этот класс ничего кроме стремления к некой стабильности и феноменальной жадности пока не демонстрирует. Не отвечает он за национальные цели страны, и все тут.

Люди из каждого слоя, который я обозначил, могут стать элитой. К сожалению, в псевдоэлиту попала интеллигенция, потому что эти люди не ведут никаких дискуссий, связанных с выработкой конкретных целей страны, а продолжают участвовать только в клубных дискуссиях по поводу неправильности устройства страны

и форм правления. Они считают, что нужно сменить форму правления страны в очередной раз, и тогда будет всем счастье.

К сожалению, за последнее время, по нашим исследованиям, к псевдоэлите мы можем отнести профессионалов, экспертов, которые стали работать только над своими узкими темами. По сути, по-другому и быть не может, так как эксперт – это носитель конкретных знаний. Сейчас они предпочитают не решать общие вопросы.

Страна будет конкурентоспособной, когда в ней сформируется элита, а элита – это те, кто скажет о национальных ценностях и целях, выработает их. Поэтому, с моей точки зрения, главный вопрос: где, на какой площадке, за счет каких институций выработать эти ценности и цели, и автоматически в этом проекте возникнет элита. У нас регулярно делались попытки взращивания элиты, и сейчас делается очередная попытка создания молодежной элиты.

Что касается конфликтов, дело в том, что у нас нет четкого понимания того, что такое на самом деле конфликт. Под конфликтом понимается все, что угодно. Формы социального действия можно разделить на противодействие и содействие. Противодействие – это когда одна сторона воспрепятствует другой, а содействие – это когда две стороны вместе что-то делают. Каждая из этих форм бывает конструктивной и деструктивной. Конструктивная форма противодействия друг другу называется конкуренцией. Почему бы не конкурировать на выборах, почему бы не конкурировать в бизнесе и так далее?

Деструктивная форма противодействия направлена на разрушение.

Это и есть конфликт.

Конструктивная форма содействия – это сотрудничество. Любимая нашим правящим классом и другими псевдоэлитами деструктивная форма содействия – это сообщничество, когда люди договариваются сделать то, что им выгодно, а страна проигрывает.

На мой взгляд, необходимо обучать и проектировать молодежные группы, элиты будущего, создавать школы будущей элиты. Я выступаю за создание в Кыргызстане институции по формированию элиты, и государство должно быть первым заказчиком.

Я считаю, что нужно создать кыргызский Итон, школу, где формируется и обучается элита, где молодым людям запрещено смотреть телевизор, читать большинство газет, потому что они только вредят, «лазить» по сайтам, чтобы не терять драгоценное время.

Существуют другие формы снятия напряжений в виде вольной борьбы, игры в регби, различного рода состязаний. Для этих людей должны быть созданы великолепные условия по получению информации. У них должна быть возможность двигаться по всему миру, вступать в дискуссии, вступать в контакт с представителями своей возрастной когорты и фактически формировать связи, которые в будущем станут связями кыргызской элиты с мировой элитой.

Сейчас наши дипломаты слишком местечковые, и, когда они попадают в какой-то крупный город, то сразу же чувствуют себя

не в своей тарелке. Нужно чувствовать гордость и ответственность за свою страну, а это может делать только элита. Приехать и заявить о своих каких-то правах и возможностях. Конечно, можно заявить о своих правах и с коня, бросив бутылку с горючей смесью.

Необходимо создавать элитные клубы, в которых бы обсуждались проблемы, проговаривались некоторые решения. Это бизнес-клубы для предпринимателей и так называемые, как в Москве их называют, «креаклы» – креативные классы.

Главное – необходимо формировать систему управления, которая могла бы реагировать на возникновение конфликтов, на это деструктивное противодействие, и здесь стоит подчеркнуть, что ответственность за это несет на себе государство. В эту систему должны быть включены как силовые органы, так и аналитические, которые могут перерабатывать информацию. Необходимо формировать аналитические группы во всех структурах, отвечающих за силовое воздействие. Это должна быть единая система. В нашей стране есть такие возможности, более того, разработки такого типа уже есть. Главное условие – поддержание общества, а не противодействие вождей.

Урмат Каныбеков: Еще несколько лет назад мы часто говорили о формировании элит в молодежной среде. Проводились конференции по поводу того, как сделать так, чтобы элита, которая формируется из молодежи, смогла влиять хотя бы на некоторые процессы. Насколько возможно создать подобную школу у нас?

Из сказанного вами следует, что конфликты имеются, но конкретных решений на протяжении последних нескольких лет

нигде высказано не было.

Каждый раз возникают новые движения, которые дестабилизируют обстановку. На мой взгляд, это происходит потому, что не решаются проблемы. Может быть, одним из решений на сегодняшний момент будет создание молодежной элиты. Кажется, что молодежная элита уже формируется, возможно, не в какой-то инстанции. Молодые люди самостоятельно уезжают за границу, учатся, возвращаются, пытаются что-то сделать каждый в своей сфере.

Сергей Масаулов: Спасибо за вопрос. Во-первых, школу, подобную Итону, в нашей стране можно создать, главное, чтобы этим озаботилась власть. Вопрос решается очень просто. Например, Министерство молодежи (сейчас Министерство труда, миграции и молодежи) не нужно, вы же все понимаете, что это бесполезная структура, которая не имеет предмета деятельности. Помимо этого, есть и другие институции, к примеру, Академия государственного управления при Президенте КР, в которой делаются хоть какие-то шаги в этом направлении.

Во-вторых, хотел бы высказаться насчет того, что в Кыргызстане самостоятельно формируется молодежная элита. Не нужно создавать иллюзию о том, что молодежь может сама сыграть какую-то серьезную роль в политических процессах. Молодость, к сожалению, проходит достаточно быстро. На молодежь обычно делали ставку разного рода сверхреволюционеры – это Троцкий, Мао Цзэдун. Когда нужен разгром штабов, разгром структуры государства и приход к власти других сил, привлекается молодежь. Троцкий в начале 20 века вообще говорил, что негативным классом современного общества является не пролетариат, а молодежь, и поэтому необходимо сделать ставку на молодежь.

Но, вне всякого сомнения, черпать силы и идеи нужно из молодежной среды. Пока молодой человек не попал в систему управления, не перенял традиции данной системы, пока его не научили, что бумага должна отлеживаться 29 дней и только на 30 день ее нужно посмотреть и решить, что с ней делать, пока этого всего не произошло, молодой человек что-то хочет сделать для своей страны. Я бы не согласился с тем, что те молодые люди, о которых вы говорили, – это элита.

Шерадил Бактыгулов: Если конфликт организовывается политической элитой, то он изначально настроен на мордобой, то есть никаких переговоров не будет. Надо отметить, что на Иссык-Куле было разрешено не менее семи конфликтов, организаторами которых не являлись политэлиты или ОПГ.

Если мы говорим о молодежной элите, то необходимо отметить, что на Западе, кроме Итона, имеются программы лидерства, может быть, это эрзац-программы, но, тем не менее, в процессе обучения ученикам прививаются необходимые лидерские навыки.

Итон не является государственным учреждением. Первый раз я был в Великобритании в 2001 году, там в школах лидерства достаточно спартанские условия: одноместные номера, все в серых и мрачных тонах, все миниатюрное, очень прохладно. Там практиковались прыжки с вышки и спелеология – человек находится в подземных узких пещерах, это экстремальная ситуация, и ему необходимо сосредоточиться и принимать точные и обдуманные решения.

То есть надо разобраться, какие навыки необходимы нашей элите. У нас тоже есть условия для того, чтобы человек

оказался в экстремальной ситуации. Например, велопоездка с юга на север Кыргызстана, это же экстрим, попробуйте заночевать в горах, когда волки воют. Таких подходов очень много, необходимо просто решить, что нам действительно полезно.

Единственное, чего необходимо опасаться, – теория элит достаточно многообразна, и каждый вкладывает в создание такой школы то, что он сам понимает под термином «элита». Имеются различные подходы по созданию привилегированного класса, существуют совершенно разные теории, иногда взаимоисключающие друг друга, поэтому у нас в этой сфере наблюдается некоторый разнобой. Но это не означает, что нам нужно останавливаться, в этом направлении надо работать, двигаться, и, может быть, как раз элита станет одним из аспектов снижения уровня конфликтов и повлияет на то, чтобы они разрешались на более ранних этапах.

Сергей Масаулов: Школы лидерства – это действительно очень интересно. В 1995 году я возил команду лидеров из Кыргызстана в Америку на Всемирные игры команд лидерства в Нью-Йорке. Мы стали чемпионами мира. Мы своих ребят специально готовили по определенной программе, в которой было три основных направления: методологическая подготовка позволяла мыслить нетривиально, проектная подготовка позволяла действовать вместе, сплачиваться и волевая подготовка, на которую был сделан особый упор. Для элиты воля очень важна.

Мои ребята заняли первое место. Мы обогнали всех на одном конкурсе. Необходимо было встать по кругу на определенном расстоянии и бросать фрисби друг другу по очереди. Таким образом, летающий диск должен был обойти весь круг и вернуться к начальному игроку. Если кто-то из твоей команды уронил фрисби, то летающий диск возвращается в начальную точку, и игроки его снова бросают.

Капитан нашей команды кричит игрокам: «Мы же не бросали раньше фрисби, тренировки не было, уроним». Он дал команду встать рядом и передавать фрисби из рук в руки. Тот, кто передал, становился сзади последнего игрока. Я сначала удивился, а потом прочитал условия конкурса и все понял. В условиях не было написано, что необходимо обязательно бросать диск, самое главное было – его не уронить. Судья засчитал нам победу в этом конкурсе, и благодаря этому мы одержали верх во всем соревновании.

Люди из той команды стали успешными предпринимателями, бизнесменами, и не только в нашей стране. Для создания подобной школы элиты нет необходимости в каких-то особых условиях, нужна государственная воля.

Урмат Каныбеков: По каким критериям необходимо отбирать людей в элиту?

Сергей Масаулов: Человек должен захотеть сам стать лидером, но самое важное – должно быть место, куда он может прийти, где занимаются проектированием, методологическим обучением, волевыми играми. Должно быть какое-то определенное место. Бесполезные люди сами отсеются. Волевые и мозговые игры сразу показывают, кто может остаться. Люди, которые чувствуют, что им это не по силам, уходят сразу же.

Шерадил Бактыгулов: Для иллюстрации, одна из таких школ уже запускалась, из 300 человек через два года занятий к концу обучения осталось лишь два человека. Один человек сейчас работает в Москве, другой – в Штатах.

Сергей Масаулов: Мы запускали такую школу в 2005 году сразу после переворота. У нас осталось около восьми человек. Сейчас

эти люди занимаются журналистикой в Москве.

Эдиль Осмонбетов: В странах СНГ есть одна плохая традиция. У нас человек, который попал во власть, так просто ее потом не отдаст. Редко кто очень долго остается в политике, и когда человек становится простым гражданином, то, вдруг, вспоминает про закон и начинает оппонировать власти. Те, кто стоят у власти, «давят» оппозицию.

Также есть и обратная тенденция, когда люди, которые ушли из политики, властных структур, хотят начать новую жизнь, но закон политической борьбы в Кыргызстане заключается в том, что люди, которые находятся во власти, боятся возвращения предыдущих и начинают возбуждать уголовные дела, осуществляется прессинг. Фактически, нет нормальной циркуляции элиты. Необходимо прийти к цивилизованному процессу смены элит.

Мне кажется, что проблема в отсутствии консолидации политических элит, нужна какая-то идея, вокруг которой сконцентрируется общество. Коррупция есть везде, но в других странах есть какой-то предел, элита ворует, но не подрывает государственные устои. За рубежом люди понимают, что нельзя потерять независимость. А у нашей элиты, к сожалению, нет предела, государство часто создает политический заказ на радикальные движения своими неумелыми действиями в политике, в экономике.

Сейчас принимается много простых решений в сложных политических вопросах. То есть, если меня не услышат, то я просто захвачу тот или иной объект, используется силовой вариант воздействия на власть.

Я согласен с тем, что необходимо создавать свои школы элит. Наш гражданин, который обучается в каком-то иностранном вузе, постепенно привыкает к тем ценностям и вскоре перестает ассоциировать себя со страной, в которой он родился и вырос.

Что касается молодых людей, которые получают очень хорошее образование, они просто не хотят работать на низких должностях, всем сразу хочется стать, как минимум, заместителем министра, никто не хочет постепенно расти.

Русский философ Николай Бердяев вывел качественный показатель – коэффициент элиты (высокоинтеллектуальной части населения) относительно общего числа грамотных. Если коэффициент больше пяти процентов, то, по мнению Бердяева, это означает наличие в обществе великого потенциала развития, но, если он снижается до одного процента, то государство гибнет, так как в обществе происходит застой, а элита превращается в касту. США приближаются к пяти процентам. Я не знаю, как это подсчитать в Кыргызстане, но у меня иногда бывает такое ощущение, что так называемая элита, которая у нас есть, близка лишь к одному проценту.

Сергей Масаулов: Нам и нашей элите нужно искать способ, при котором будет обеспечено легитимное участие различных политических сил в выстраивании власти. Нужно отходить от традиции, про которую говорил Эдиль, когда каждый, кто приходит к власти, начинает «месить» предыдущих. Я был на выборах в Исламской Республике Иран, и там по всем направлением обеспечено легитимное участие различных политических сил в выборном процессе.

Анна Капушенко поблагодарила участников Круглого стола.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта «Молодые лидеры и разрешение конфликтов» при поддержке Национального фонда в поддержку демократии (NED)

---

[i] GTZ – Norbert Ropers (2002): Peace-Building, Crisis Prevention and Conflict Management: Technical Cooperation in the Context of Crises, Conflicts and Disasters (p. 11).

Вернуться на главную / **Версия для печати**